

III. Выводы, касающиеся политического метода

Изучающий политику должен, следовательно, испытывать некоторый скептицизм по отношению к этому искусству, если он попытается построить его теорию. Еще больше, чем в медицине, он стеснен очень узкими границами. В тысячах случаев государственный деятель бывает бессилён, потому что невежествен; порой, даже когда он ясно осознает причины или когда его оценки верны, он знает и чувствует свое бессилие. Во всяком случае необходимо, чтобы политический деятель и теоретик, даже рискуя быть непопулярными, почаще смиренно объявляли о своей слабости, о физической, интеллектуальной или нравственной немощи. Нет ничего более бесчестного, чем реклама политических партий, которые все объявляют себя способными дать нациям счастье. Ничто, например, не могло, мы видим это теперь, слишком поздно, предотвратить разорение России. Вина большевиков, ликвидаторов этого краха, состояла в том, что они уверовали, сказали и заставили верить, что в этой безграничной нищете и через гражданскую войну они создадут богатство, тогда как богатство может родиться только из многих лет труда и мира...

Еще об одном уроке. Немногие теории оказались более поколебленными ужасными событиями последнего десятилетия, чем теория «исторического материализма». Дело в том, что ей был изначально присущ один изъян, который она, впрочем, разделяет с некоторыми другими политическими учениями. Нужно всегда опасаться всякой софистики, состоящей в придании первостепенного значения тому или иному ряду социальных явлений. Ни политические, ни моральные, ни экономические явления не занимают господствующего положения ни в каком обществе, тем более это относится к применяемым к ним знаниям и умениям. Все это в сущности представляет собой лишь понятия и категории нашей еще инфантильной социальной науки, и различия между ними относятся к области пустых словопрений. Деньги, явление экономическое, чеканятся нацией, категорией политической, и мы испытываем к ним доверие, они внушают веру, и их предоставляют в кредит, представляющий собой явление одновременно экономическое и моральное или даже скорее относящееся к сфере сознания, привычки, традиции. Каждое общество с его моралью, техникой, экономикой и т. п. есть единое целое. Политика, Мораль и Экономика суть просто элементы социального искусства, искусства жить вместе.

Стоит это понять, и сразу окажутся бессмысленными все эти идейные противоречия и споры о словах. Социальная практика — вот единственный предмет совместной деятельности моралиста, экономиста, законодателя. Точнее, нет смысла говорить о трех разных видах специалистов в этом искусстве. Тот, кто хочет преуспеть в нем, не должен ни давать законам опережать нравы, ни критиковать от имени универсальной морали или чистого практического разума технические, экономические и умственные привычки народа. Последние можно исправить, только заменив их другими привычками, внушенными другими

идеями и чувствами и, главное, другими действиями, успех которых позволяет формировать их. Искусство искусств: «τέχνη, τέχνης ὑπερφερύσαή» говорил Софокл о тирании. Политика в самом высоком смысле слова должна, следовательно, не только оставаться очень скромной, но и никогда не отделяться от своих сестер, Морали и Экономики, с которыми она в сущности тождественна.

Старая мечта Сократа о гражданине, мудром, экономном, добродетельном блюстителе закона, а главное, осмотрительном и справедливом, таким образом, по-прежнему дает нам образец человека действия. Следуя этому образцу, ответственный политический деятель будет гораздо ближе к практической истине, чем если он будет поддаваться тем вспышкам цинизма и материализма, тем проявлениям лжи, насилия, которым часто аплодируют легкомысленные толпы, реакционные или революционные в зависимости от времени и места. В настоящий момент в России, Италии, Испании, может быть, завтра в Германии государственные перевороты, акты политического насилия и самоуправства покажутся успешными, но это лишь дрожь, конвульсии, лихорадка и симптомы серьезных болезней социального организма. У этих несчастных народов нет будущего; оно принадлежит нациям, в которых просвещенные граждане смогут с пользой избрать способных, честных и сильных представителей и тем не менее непрерывно их контролировать. Ведь никто лучше народа, если он разумен, не знает его интересов и его мыслей.

Все эти политические нравоучения социолога, возможно, покажутся слишком конкретными или слишком неопределенными; одни покажутся слишком точно говорящими о том, что возможно и невозможно сделать в наших современных нациях; о других покажется, что они чересчур абстрактно и прекраснодушно проповедуют кротость, миролюбие, предусмотрительность социалистам и различным партиям Прогресса.

Не стоит, однако, заблуждаться. Эти конкретные соображения вполне уместны; есть по крайней мере одна вещь, для которой российский коммунистический эксперимент может оказаться полезным: научить нации, которые захотят реформироваться, каким образом они должны это делать и каким образом они не должны это делать. Им необходимо будет сохранить рынок и деньги; им необходимо будет развить все возможные коллективные институты; им необходимо будет не создавать несовместимости между свободными ассоциациями и коллективизмом, так же как и между правом объединений, включая право большинства, и индивидуализмом. Эта «социологическая оценка» имеет, таким образом, двойственное значение, которое мы стремились ей придать: научное, так как это описание наших современных обществ, и в связи с одним из них мы видим здесь существенные элементы, без которых ни одно общество теперь не может обойтись; практическое, так как мы очищаем здесь социалистические учения от некоторых афористических категорических сентенций, от некоторых утопических взглядов и иллюзий относительно всемогущества партий и классов.

Вместе с тем наши призывы к осторожности отнюдь не предназначены для того, чтобы обосновать необходимость ослабить или затормозить практическую деятельность. Нужно, чтобы была сила, поставленная на службу закона; возможно, нужно будет, наверняка нужно будет ее использовать, так как гражданские законы, как и религиозные, не заставляют признавать себя всеми в равной мере. Социальные демократии, то есть те, которые именем своего права и своих интересов захотят контролировать свою экономику, не будут стадами

баранов с пастырями, умеющими стричь шерсть и выбирать тех баранов, которые будут съедены. К тому же их деятельность, хотя и будет свободной от насилия, не будет обязательно вялой и замедленной. Но не будем увлекаться пророчествами. Осторожность часто диктует необходимость двигаться быстро, перепрыгивать препятствия, ломать препятствия в надлежащее время, и она же может столь же часто советовать выждать, подождать, чтобы формы социальной жизни, которые должен санкционировать закон, созрели. Всем этим мы хотим сказать, что, если необходимая политическая власть не самодостаточна, насилие само по себе должно быть лишь «последним аргументом» законов.

Версия #1

Зверобой создал 26 апреля 2026 03:17:22

Зверобой обновил 26 апреля 2026 03:17:41